

ПСКОВ В РИЖСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1920-Х ГОДОВ

В статье рассматриваются публицистика и художественные очерки, посвященные Пскову и опубликованные в периодических изданиях Риги 1920-х годов. На примере изображения Пскова в документально-публицистических заметках неизвестных авторов первых послереволюционных лет, а затем его художественно-поэтической интерпретации С. Черным, Л. Зуровым, И. Лукашем прослеживаются изменения в отношении русской эмиграции к советской России в целом.

Ключевые слова: Псков, газеты «Сегодня», «Слово», журнал «Перезвоны», эмиграция, публицистика, поэтический образ.

A. G. Razumovskaya

PSKOV IN 1920'S RIGA PERIODICALS

The article considers the publicism and artistic essays devoted to Pskov and published in Riga periodicals in the 1920's. The author traces the changes in the attitude of the Russian emigration to Soviet Russia analyzing how Pskov was depicted in the documentary prose of anonymous authors of the early post-revolutionary years and then how it was poetically interpreted by S. Cherny, L. Zurov, and I. Lukash.

Key words: Pskov, «Segodnya» and «Slovo» newspapers, «Perezvony» magazine, emigration, periodicals, poetic image.

Как известно, в результате послереволюционного раскола российского общества в столице Латвии — Риге — образовалась значительная русская диаспора. Действенным способом объединения покинувших Советскую Россию, сохранения и трансляции эмигрантами культурных традиций стали русскоязычные периодические издания: «Сегодня», «Рижский курьер», «Слово», «Перезвоны» и др.

Псковская тематика в печати Риги 1920-х гг. представлена довольно объемно и разнообразно. Пожалуй, наибольшее число статей посвящено Печорскому монастырю, который оказался островком православия на территории буржуазной Эстонии: например, Шалфеев Б. В крепости православия (Печерский монастырь) // Сегодня. 1926. № 193 (31.8). С. 2; Минцлов С. По Эстонии (Путевые очерки). Печерский монастырь // Сегодня. 1928. № 154 (10.6). С. 4; Седых А. В Псково-Печерском монастыре (Из дорожных впечатлений) // Сегодня. 1929. № 286 (15.10). С. 8 и др. В газетах появлялось немало путевых заметок о Печорском крае, Изборске и их окрестностях: Лукаш И. Изборский сказ. Труворово городище // Слово. 1926. № 287 (3.10), 288 (4.10); Садко. По Изборским красотам // Слово. 1927. № 585 (7.8); Новоселов Ю. В древнем Изборске // Сегодня. 1929. № 228 (18.8). С. 5 и др. Нередко печатались материалы, рассказывающие о Латгалии: Зуров Л. Утро в Режице // Слово. 1927. № 389 (16.1); Зуров Л. Ярмарка в Пыталове. Дорожные впечатления // Слово. 1927. № 501 (11.5). С. 6; Новоселов Ю. Город, ожидающий признания (Пыталово) // Сегодня. 1930. № 197 (19.7). С. 8. Наконец, сам город Псков не раз становился объектом изображения в газетах и журналах Риги.

Используя хронологический подход к анализу газетно-журнального материала, целесообразно начать обзор публикаций с газеты «Сегодня» — самой крупной и содержательной из русскоязычных газет в Прибалтике, вышедшей с 17.08.1919 по 21.06.1940. Уже в одном из первых ее номеров появилась статья «Псков под большевиками» [12, с. 4], состоящая из трех заметок. В первой неизвестный автор (подпись — Св. Рос.) констатировал, что *«большевики чувствуют себя в Пскове далеко непрочно. Лучшим доказательством служит тот факт, что на прошлой неделе началась эвакуация трамваев, электрической станции и машин местных механических заводов. С вокзала увозятся лишние пустые вагоны, находящиеся в ремонте и станки ремонтных мастерских»*. Около Пскова, написано в следующей заметке, *«война смела с лица земли почти все деревни, население которых вынуждено было искать спасения под защитой эстонской армии»*. Наконец, в последней части статьи говорилось: *«Псков, вероятно, первый русский город, в котором, говорят, коммунистический строй введен почти без резки. Но причина здесь простая — некого было убивать: все бежали, остались на местах лишь «свои люди». В одном нужно воздать должное коммунистам: они умеют вести широкую политическую агитацию. В этом отношении они настоящие американцы»*. Далее следовал рассказ о непосредственной жизни города, приправленный неодобрительными комментариями автора: *«Трамвай стоит, но не потому, что расстреляли 43 служащих, как сообщает местная русская газета, а вследствие недостатка в топливе. У памятника Александру II воздвигнута трибуна, с которой каждое воскресенье произносятся речи. Торговли большей частью закрыты, ибо нечем торговать. Единственная функционирующая торговля — это коммунистическая книжная торговля, но и там можно достать только коммунистическую литературу и портреты коммунистов...»*. Таким образом, в статье не только критиковалась власть большевиков, но приводился ряд фактов, раскрывающих тяжелое состояние населения.

В других заметках рассказывалось о ночных расстрелах «лучших людей Пскова» [1, с. 2], в том числе о жестоком убийстве восьми фармацевтов города [3, с. 3], об унижительных досмотрах пассажиров при переезде эстонско-российской границы [9, с. 2]. Газета «Сегодня» всецело выражала поддержку силам белого движения. Так, Н. Галин в статье «Славная годовщина (Создание псковского добровольческого корпуса)» [2, с. 1] с воодушевлением и гордостью рассказывал о судьбе псковского добровольческого корпуса, бойцы которого терпят поражение под натиском Красной Армии, но дух их не сломлен: *«...горсть храбрецов смело вышла навстречу полчищам большевиков, жестоко разбила их под Коротыным и Торошином, но благодаря предательству германской железной дивизии, открывшей фронт и передавшей оружие большевикам, корпус был разбит и, окруженный с трех сторон, вынужден был отступить, прокладывая себе дорогу итыками, сквозь охватившее его большевистское кольцо. Вынужденные оставить Псков под натиском во много раз превосходящих сил большевиков и вследствие предательства немцев, части псковского корпуса без одежды, без снарядов и почти босиком отступили с тем, чтобы снова собраться на защиту своего родного края»*. По убеждению автора, *«имя и репутация армии, неоднократно уничтожаемой на бумаге большевистских реляций, но живой и деятельной на деле, будет занесено золотыми буквами на страницы истории освобождения России от кошмарного ига»*.

В современной историографии вопрос о взаимоотношениях местного населения Пскова и участников Белой и Красной Армий является одним из дискуссионных.

[5; 7; 13] Тем важнее для воссоздания объективной картины событий введение в научный оборот материалов периодической печати обеих враждующих сторон.

Любопытные свидетельства о порядках в послереволюционном Пскове содержались в рассказах очевидцев. Так, Л. Неманов в статье «В Пскове (Путевые впечатления)» [9, с. 2] повествовал о своем тайном приезде в город. Он описывает путь, по которому сначала на крестьянской телеге, а потом на лодке можно перейти советскую границу и добраться до города без документов, за определенную мзду. На вопрос рассказчика, не арестуют ли в Пскове большевики, лодочник спокойно и вразумительно отвечал: *«Нет, зачем же? Одного арестуют — больше ездить не будут, а для них это доход»*. И вот пассажир и перевозчик *«спокойно, как если бы я ехал по железной дороге и имел все нужные бумаги от наркоминдела со всеми печатями и трехцветными подписями красной, синей и черной, въехали в пределы Сов. России и стали подниматься по реке Великой»*. Далее следуют подробности бытового существования города: *«С большим волнением вступил я на русскую почву после трехлетнего отсутствия из России. Я был в Пскове в 1917 году. Тогда это был довольно оживленный город, сравнительно чистый и недурно обстроенный. Теперь передо мной был полуразрушенный город, который на свежего человека должен произвести удручающее впечатление.<...>*

Дома без окон и дверей, мостовые и тротуары почти отсутствуют; грязь невероятная. По улицам вы видите большею частью босых и оборванных людей.

Правда, имеются в Пскове и магазины; я насчитал их штук десять, и в этих магазинах вы можете достать почти все, но цены на товары во много раз превышают не только берлинские, но и лондонские или нью-йоркские». Читатель узнает о запустении, неухоженности городских улиц и построек, об обнищании населения и процветании дороговизны:

«Вокзал немного почистили, но все же любая деревенская конюшня прошлого времени была чище теперешнего Псковского вокзала. Есть на вокзале и буфет, где вы можете достать белый хлеб, чай и даже мясные котлеты. Но Боже мой, каких безумных денег должен стоить обед на Псковском вокзале! Воистину, пообедать в Пскове — это теперь большая роскошь, чем в былые времена прокутить вечер в каком-нибудь первоклассном ресторане.<...>

Проезд из Пскова в Петербург свободен, стоит 7 миллионов, но поезда ходят всего 3 раза в неделю, а на путь до Петербурга тратят 30 часов». Но есть в этой статье и новая тенденция, свидетельствующая об улучшении жизни горожан: *«И тем не менее, к кому бы вы теперь не обратились в Пскове, все в один голос вам скажут, что жить сравнительно с прошлым стало все-таки легче: не так голодают обыватели и не так как раньше свирепствуют коммунисты»*.

Подобные рассказы очевидцев представляют немалую историческую ценность, поскольку из их мозаики складывается наглядная картина существования города в революционные и послереволюционные годы.

Другая газета, выходившая в Риге в 1925–1929 годах, «Слово» также неоднократно обращалась к событиям в Пскове. Так, Мельников А. в статье «Март во Пскове» (Слово, 1927, № 438), посвященной 10-летию Февральской революции, рассказал о реакции горожан на отречение царя Николая II, когда *«тысячелетнее государство Российское дало трещины по всем швам»*.

«Гарнизон Пскова к тому времени был громадный, так как здесь был центр тыла и место ставки северного фронта во главе с главнокомандующим генералом

Рузским. Не было квартиры, где не были бы расквартированы офицеры, не было более или менее крупного здания без поста какой-либо команды. Вокруг города на большом расстоянии выросли бараки с самым разнообразным войсковым населением вплоть до азиатского городка с киргизами и сартами, пригнанными из глуши средне-азиатских степей».

«5-го марта, в воскресенье, все население города вылилось на торговую площадь. Обыватели, офицеры, солдаты, мужчины, женщины, подростки — все смешалось в одну толпу. Нескончаемыми рядами потянулось шествие под трехцветными и красными знаменами. Военный оркестр гремел, сливаясь с патриотическими и революционными песнями. Этот шум стараются перекричать стоящие на тумбах ораторы всех толков и всех рас.

На балконе почтово-телеграфной конторы стоит генерал Рузский, приветствуя проходящие толпы автоматически-ритмическим поднятием руки. Лицо его — каменная маска, взор погас. Не прочтешь ни дум его, ни чувств. Правду сказать тогда был порядок, был и подъем».

Вспоминая о работе комитета, призванного разрешать конфликты в офицерской среде и солдатской массе, автор, председатель комитета, рассказывает: «Приходилось бороться со скрывающимися за солдатской спиной силами, подрывающими авторитет комитета в солдатских массах, это единственное средство воздействия, которым пользовался комитет. В начале он находил поддержку в совете депутатов, но после ряда резолюций, негодных крайним течениям <...>, в совдепе стали весьма и весьма косо смотреть на комитет.

Среди прочих весенних цветов мартовских иллюзий не по дням, а по часам блекло Временное Правительство. Быстро отцвел и наш комитет. Потянуло осенним холодом. Громоздился и надвигался последний, девятый, октябрьский вал».

Рижская печать не только в публицистике запечатлела эпизоды политической и социальной жизни России на примере приграничного Пскова. Несомненную художественную ценность имеют поэтические произведения Саши Черного, созданные под влиянием личных впечатлений: в период Первой Мировой войны и революций 1917 года он служил в полевом госпитале, располагавшемся в Поганкиных палатах, а затем в Управлении военных сообщений. В конце лета 1918 года, перед вступлением Красной Армии в город, покинул его вместе с другими беженцами.

В произведениях Саши Черного, опубликованных в еженедельном журнале «Перезвоны», город изображен пребывающим в покое и безмятежности:

*Баржи на скованной Пскове
В лед вмерзли неподвижной грудью.
Шагай и радуйся безлюдью,
Тони в морозной синеве!
Гостиный двор
Рядами нор
Зияет холодно и четко.
Сквозь снег лампада рдеет кротко.
Вверху — декабрьских звезд убор, —
И белый пух
Безмолвных мух
Вкось тихо вьется на забор [11, с. 194].*

Автор любовно воспроизводит незатейливый домашний уют и тихое семейное счастье обитателей «дома над Великой»: *«Раскрыты настезь дверцы печки, / Тре-ща березовой корой, / Клубятся желтые колечки, / Шипит и каплет сок сырой. / Людмила, руки сжав в колени, / На рысьей шкуре на полу, / Сидит, полна дремотной лени, / И смотрит в огненную меду./ В ногах раскрытый том Лескова: / Легенды византийских дней / Цветной парчой родного слова / Слились с цветением огней...»* [10, с. 428]. Поэт рисовал не только обстановку мирного дома, но и плодового сада, вызывая ассоциацию места с раем. Уютный псковский быт в эмиграции осознавался «светлым мифом». Однако исконный и казавшийся таким прочным порядок жизни был исковеркан войной и революциями: «белый дом», утратив прочность и безмятежность, превратился в «ковчег», где находят временное прибежище родные и близкие. Потому из эмигрантского далека звучали гневные слова автора в адрес новой власти:

*Погибло все в шальном разгроме
Под наглым красным каблуком...
Кто там сегодня в белом доме?
Какой звериный «Исполком»?
Трещат машинки возле шкапа.
Сереют грязные полы.
Два-три сознательных сатрапа
Обходят рваные столы.
На стенах знаком каннибальства
Рычат плакаты: «Бей! Убей!»
В гостиной — красное начальство,
В передней — тысяча скорбей... [10, с. 430].*

Городская и семейная идиллии безжалостно разрушены, утверждал поэт: *«Без-мерно страшен красный быт»* [10, с. 430]. Теперь Псков представлялся Саше Черно-му олицетворением погибшей России.

Но со второй половины 1920-х годов в рижской периодике появились публикации о Пскове другого рода — те, в которых город предстал не в своем бытовом и повседневном облике, а в надбытовом измерении. Летописец псковской земли Л. Ф. Зуров (ранее писавший для рижских изданий заметки о приграничных псково-латгальских землях, о Псково-Печерском монастыре) обратился также и к Пскову, который называл *«щитом Руси»*. Так, в статье «Младший брат Великого Новгорода — Псков» Зуров напомнил читателям газеты «Слово» легенду о сакральном возникновении города: *«Три светоносных луча, падающих с неба на дубраву, растущую на крутом мысу, узрела княгиня Ольга и чуден показался ей тройственный свет, озаривший велик лес и две реки. И сказала княгиня окружавшим ее: «Разумно будет вам, яко волею Божию, на сем месте церковь имать бытии во имя Пресвятая Единосущныя и Животворящая и Нераздельныя Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, еще же и град zde велик будет и славен и избилен».*

Дом Святой Троицы — сердце Пскова. Славные боевые дни — жемчуг ее риз» [4, с. 4]. Благодаря легенде город предстал освященным небесами, а его происхождение — санкционированным высшими силами.

Вспоминая героические страницы древнего Пскова, начинающий писатель подчеркивал, тем не менее, не воинственный, а мирный характер псковичей: *«Не кич-*

ливными днями раздоров и междуусобиц он славен, а стройкой, хранением древляго православия, обороной от лихих людей, славен воинским подвигом за Дом Святыя Троицы, за святыя церкви, за свое отечество».

«Не было в Пскове желания войны, ради войны, псковичи улюбили в мире со всеми жить добре. В договорах были искренни, чистосердечны и просты, сказывали правду.

И славна всегда была в Пскове крепкая любовь к своему родному, политому кровью краю. Любовь возвела без усилий чудный град, окруженный стенами, довершенный Детинцем и увенчанный златыми соборными куполами» [4, с. 4]. Высоким летописным стилем Зуров передавал преклонение перед делами древних псковичей, любовь и уважение к родному городу:

«В польских письмах, времен осады города Баторием, хранятся любезные русскому сердцу строки: «Мы любимся Псковом. О Боже! Это нечто величественное, как бы другой Париж». «Город чрезвычайно большой, в Польше нет ему равного по величине, весь обложен стенами, церкви часты, как лес и все каменные».

Псковские летописи самые тихие и певучие.

Они рассказывают о благословенных днях стройки, прерываемых войнами, о любимых и о злосердых князьях, о грозах, пожарищах, морах и гладах, утратах и о горьком плаче о свободе, когда отрывалось сердце от корени — когда спускали они вечевой колокол, посылая его в Новгород к государю.

Но верность была псковичан сестра. От московских неправедных судий, когда правда улетела на небо, одни уходили в монастыри, постригались, а другие убежали в чужие земли, тихо жаловались на свою горькую долю, но не поднимали бунта, а в тяжелые годы для царя Ивана спасли Русь, отразив поляков от своих славных стен, а после выдержали жестокою осадой шведского короля Густава-Адольфа.

Град Псков вынес двадцать шесть нападений и только однажды, 1240 году изменю псковича Твердилы, ворота псковские насильно отворил для чужеземцев.

После московского полона, затих опальный Псков. Лишь Петр во время шведской войны укрепил разрушавшиеся стены, строя на реке Великой суда, поджидая врага. Но молодой Петербург убил окончательно Псков, и пошел Псков под косогор, отдавая все свои силы строящейся России. В те времена область была названа провинцией, приписана к Ингерманландии и губернским городом стала Опочка. Только в 1777 году Псков получил губернские права. Псков был забыт, в нем редко останавливались цари, редко кто отправлялся на поклон его святыням. Погорая, роняя стены, дряхлел Псков.

Но в тяжелую смуту, в кровавый 18 год, он снова встал на защиту веры и России и послал на поля брани своих сыновей».

В одухотворенном очерке Зурова Псков выступил олицетворением воинской чести и святыней православия:

«Теперь, очутившись на чужбине, мы вспомнили нашего старика и пожалели, что не сумели хранить его честные старые заветы, отдав врагу на разграбление Дом Святыя Троицы.

Но не забыть нам слов, выкованных на мече св.кн. Гавриила, что висит в соборе над гробницей: «Чести своей никому не отдам».

Как же тебя не любить, любезный, далекий Псков?...» [4, с. 4].

Так Л. Зуров желал утвердить великую военную и религиозную миссию родного города. И одновременно стремился пробудить в русских людях, оказавшихся в эмиграции, силы для преодоления своей внутренней отторженности от родной земли.

В метафизическом ключе описывал Псков и И. Лукаш, руководитель литературного отдела газеты «Слово». Как исторического романиста его влекла древность псковской земли, недаром он посвятил ряд заметок Старому Изборску и его окрестностям. С высоты Жеравьей горы И. Лукаш разглядывал в бинокль Псков:

«Медленно обвожу небо...

Течет зеленовато-огнистый поток там, на востоке. Там зеленоватое вечернее небо, за мною пылает закат... <...>

Там, на востоке, по краю неба, плывет в зеленоватом просторе узкое белое крыло. Троицкий собор во Пскове. Белое крыло парит в вечернем небе...

Я вижу Псков реюший, воздушный. Псков небесный над синей мглой дальних лесов.

Чуть правее белой Троицы по зеленоватому небу тянется долгая, темная дорожка дыма. Поезд за Псковом идет.

Не тает, не расходится дым.

Еще, чуть правее — льются калеными червонцами оконницы — раз, два, три, шесть...

Как будто трепещет, как будто дышит белое крыло Псковской Троицы. Теперь я вижу и синий куполок...

Наивная монастырская гравюра, где в небе, над обителью, парит маленькая белая церковка, которую несут на облаках ангелы... Таким я вижу Псков.

Парит, белый, легкий и дальний. Дорожка дыма над синими лесами. Блистает красная оконница...».

В очерке Лукаша рисуется не столько реальный город, сколько образ Града небесного, того идеала, по которому томится душа изгнанника. Эта тоска обостряет зрение настолько, что он прозревает далекое и невидимое глазам:

«Не жажда ли встречи, белый Псков, точно ветер, глухой и горячий, пригнала меня сюда, на кряжистые варяжские взгорья...

Сухая буря гонит вихри русских листьев, изодранных, обугленных на русских морозах, покоробленных на русском огне, — сухая буря гонит нас, русское перекачено поле...

Это в доме бывшего псковского земства блистают окна... Исполком ли там, или губком... Все уже разошлись. Вечер во Пскове и тишина. В пустых комнатах солнце косым красным крылом порхает по стенам, по клеенчатым углам столов...

Огромное легкое крыло вечернего солнца быстро летит туда с запада... Тени уже обнимают во Пскове заборы, тянутся синие, долгоногие по серым булыжникам мостовой...

Когда заря скоро идет там косыми, румяными крыльями по улицам, окатывает окна и крыши, ало дрожит на стеклах фонаря, когда летят туда крылатые синие тени, от Изборска, от древних славянских городищ, может быть, к тебе, Псков, на русскую землю, долетит с зарей и моя тень, и дыхание, и стук сердца...

Парит белая Троица. Отниму бинокль от глаз. Снова смотрю.

Как будто зарозовело белое крыло, как будто остывает, тронулось синевой. Или устал я смотреть...

Парит в небе белый Псков, Россия небесная, Россия непогасимая...». [6] В этом описании присутствует не столько любование красотой древнего русского города, сколько тоска по родной земле, утраченной эмигрантами как территория, но остающейся по-прежнему их духовной родиной.

Таким образом, в рижской печати пореволюционного десятилетия прослеживаются изменения в отношении русской эмиграции к Пскову и новой России в целом: от непримиримой враждебности в адрес большевистской страны — к ностальгии, тоске по родной земле. Через изображение Пскова видно, что движение в журналистике шло от констатации фактов новой реальности, от конкретики, носящей явно выраженный идеологический характер, к художественному обобщению материала. Если в начале 20-х годов Псков представлял олицетворением России как «зачумленного места», отделенного «колючей изгородью» «от всего культурного мира», «полем, усеянным мертвыми костями» [9, с. 2], то постепенно он словно терял свою физическую сущность и становился «небесным Псковом» (И. Лукаш), «белым, словно отлетающим градом» (Л. Зуров). В глазах изгнанников порубежный город был символом самой России, невозвратной и прекрасной. Обращаясь к судьбе Пскова, эмигрантская печать и оплакивала утраченную родину, и берегла в себе память о ней.

Литература

1. А. Г. Под игом большевиков в Пскове // Сегодня, 1919, № 47.
2. Галин Н. Славная годовщина (Создание псковского добровольческого корпуса) // Сегодня. 1919. № 29.
3. Е. М. Псковские расстрелы // Сегодня. 1921. № 46.
4. Зуров Л. Младший брат Великого Новгорода — Псков // Слово. 1927. № 512 (22.5).
5. Калкин О. А. На мятежных рубежах России: очерки о псковичах-участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–1922 гг. Псков: Псковское возрождение, 2003.
6. Лукаш И. Псков в небе // Слово. 1926. № 289 (5.10).
7. Мажара П. Ю. Л. Ф. Зуров как собиратель мемуаров о Белом движении на Северо-западе России // Русская литература. 2013. № 2. С. 233–238.
8. Мельников А. Март во Пскове // Слово. 1927. № 438.
9. Неманов Л. В Пскове (Путевые впечатления) // Сегодня. 1922. № 215.
10. Саша Черный. Дом над Великой // Перезвоны. 1926. № 15.
11. Саша Черный. Сочельник в Пскове // Перезвоны. 1925. № 7–8.
12. Св. Рос. Псков под большевиками // Сегодня. 1919. № 14.
13. Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России 1918–1920 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.